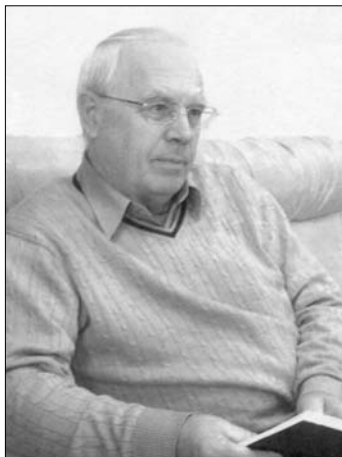

ВАЛЕРИЙ ПРОЦЕНКО

ПОДУШКА БЕЗОПАСНОСТИ

РАССКАЗ

1

Покойно Павлуша эту ночь спал. И дел было спланировано много на день грядущий, но лёг с вечера почитать, отошёл постепенно в сладкую дрему и тут же незаметно — в абсолютный покой. Ночь промелькнула как мгновение. Давненько не посещало умиротворение его душу. Многие минувшие ночи, ох, и в тягость были. Всякая чепуха снилась. А тут заснул и проснулся спокойно: то ли с женой не поругался по пустякам накануне, то ли звёзды благоприятно расположились на небосводе.

Вспомнил службу в армии: “Рота, отбой!”.

Это приятное известие для труженика солдата.

И противный голос старшины или дежурного по роте на рассвете, когда сон наиболее глубок и полезен: “Рота, подъём, выходи строиться!” А то и ночью истощный и, честно признаться, не в большую радость крик дневального: “Рота, тревога, атомное нападение! Командиры отделений, выводите солдат в отведённые места”. Такое впечатление, будто армейское начальство не читало русских народных сказок. Почему Илья Муромец богатырём был и громил врагов Отечества? Да потому, что спал вдоволь в молодости. Вот и нагулял силушку богатырскую. А теперь солдаты полусонные, уставшие и заморенные уже с утра.

ПРОЦЕНКО Валерий Петрович родился в 1945 году, профессор права, автор десяти книг по праву, в том числе четырех монографий. 25 лет проработал в Кубанском государственном университете, где прошел путь от преподавателя до заведующего кафедрой. Сейчас преподает на юридическом факультете Кубанского государственного аграрного университета. Живет в Краснодаре.

Вставать не хотелось. Можно было бы еще подремать с полчаса, но супруга спозаранку отодвинула занавеску на окне, осматривая двор и хозяйство, а окно спальни выходит на восток, и первый лучик солнца прямо в глаза ударил. Внезапно и бесцеремонно. Если встать и задернуть занавеску, то приятная утренняя полудрёма тут же исчезнет... Вспомнил, что сегодня воскресенье, кум утром явится кабана резать. Анекдот на ум пришёл по случаю, зевнул и непроизвольно улыбнулся: “Зарезать не зарезал, — сказал потный и уставший сосед, провозившись минут сорок с кабаном, — но таких ему ввалил — всю жизнь будет помнить”.

Кум говорил вечером за чаем: “В течение часа освежаем, разделаем, и подавайся, Пал Петрович, в Тимашевск на базар, к обеду и реализуешь. Парное мясо — загляденье, да и кабанчик кормлен правильно. Порода английская — ландрус называется. Сало мраморное, вперемежку с мясом, слоями. Вернёшься — нажарим свежанинки, выпьем по двести грамм любимого народом напитка, spoём милую твоей душе песню: “Ой, Кубань, ты наша Родина, вековой наш богатырь”.

Кум двумя нотами, как и большинство современных певцов, фальцетом с гундосинкой постарался воспроизвести гамму чувств от душевной и праздничной песни, но лучше бы попроще высказался.

Павлуша потянулся на кровати, напрягаясь всеми членами, как будто толкал ногами вагон с углём, а руками поднимал двухпудовую гирию. Это его давняя привычка. Помогает быстро встряхнуться и отмобилизоваться.

2

Кабанчика точно Господь придумал в радость православному народу, да и прочим христианам. Сашок, старший сын, грамотный и начитанный (наверняка профессором будет), говорил Павлуше, что у немцев есть оборот речи на эту тему. На немецком так и прогутарил, практически без акцента, в школе научили: “Их хабе швайн”.

Разъяснил, что у немцев быть счастливым — значит иметь свинью. Ещё Саша добавил, что немцы обозначают это полезное животное и другим словом: “Шпиктрегер”, что в переводе на русский язык означает — носитель сала. Конечно, иметь свинью большая для семьи радость, залог к достатку, а то и к избытку материальному. Кормили хорошо: и кукурузкой, и комбикормом, и бурячком, и отходами с обеденного стола. Дебелого кабанчика воспитали: килограммов на сто пятьдесят в живом весе потянет. Если себе оставить мясо и сало, то, пожалуй, на полгода хватит на борщи, котлеты, гуляши, поджарки и зажарки. Да, и холодец знатный получится из ножек, рулек, хвоста... с чесночком, чёрным перчиком и лавровым листом! С горчичкой его в морозец откусать — настроение праздничное на целый день. А сколько можно сделать колбаски? А желудок начинить гречневой крупой, салом и мясом со специями? А сколько сала засолить двумя способами: русским и немецким? Русский, он же и хохлацкий способ засолки сала прост и понятен, всем известен, а вот о немецком — надо подробнее упомянуть. В холодную кипяченую воду добавляем соль, тертый чеснок, черный перец, лавровый лист, иные пряности при желании, укладываем сало слоями и оставляем на две недели в прохладном месте. Раствор должен быть настолько соленым, чтобы сырое яйцо сверху плавало. Через две недели сало достаем, а когда вода стечет, укладываем в трехлитровые банки. Режем и кушаем — вкуснятина, а с отварным картофелем и свежим чёрным хлебом — объедение. В этом месте у Павлуши от аппетитного образа обильная слюна выделилась. Но он решил не поспешать к столу, а исчерпать тему своих размышлений до основания.

Кабанчика купить посоветовал опять же кум.

“Кабанчик — подушка безопасности, Пал Петрович, надежнее вклада в Сбербанке и транша международного валютного фонда”, — говорил он неоднократно Павлуше.

Не было хлопот — купила баба порося. Сущая правда — забот через край. И покормить, и напоить, и убрать, и помыть тёплой водичкой в лет-

ний день. Но была и радость общения с этим очень и очень неординарным животным, до конца не изученным и не понятым современной наукой. Прямо-таки дельфин... только сухопутный.

Кум Степан хороший хозяин и отзывчивый человек, но немножко скуповат. На первый взгляд может даже постороннему человеку показаться щедрым, предоставив суший пустячок или оказав мелкую услугу для распространения положительных о себе слухов, поскольку скупость его — тщательно законспирированная, как кадры большевиков в канун революции. Конечно, прижимист, но не настолько, чтобы перед праздничным застольем читать гостям лекцию о вреде переедания. Попросит Павлуша у кума три десятка яиц в обмен на что-нибудь, передаст Степану полезную вещь, а тот говорит, что куры плохо стали нестись в последнее время. Но через недельку я тебе, Пал Петрович, четыре десятка яиц занесу. Хорошо? Ни через недельку, ни попозже не занесёт, будьте уверены и запишите себе в убыток. А в остальном — весёлый человек Степан.

Бывало, встретит Павлушу возле магазина, обнимет и вопрошает: “Как там подушка безопасности?”

“Интеллектуал! Поправляется”, — не может сдержать улыбку Павлуша.

Или спросит: “Что-то ты, кум, сегодня не очень весел? Подозреваю, возникли трудности с поседанием деликатесов; зови, не стесняйся, приход и поможем”. И засмеется раскатисто и громко... и Павлуша заодно. Настроение сразу же улучшается.

А как Степан покупки делает? Театр одного актера! Улыбаются все жители города, кто с ним соприкасается в этот момент на рынке.

— Я вас сейчас сделаю самой счастливой, — обращается Степан к очередной торговке на рынке, с соответствующей вкрадчивой и интимной интонацией, совершив покупку.

— И как это? — смущенно и кокетливо вопрошает та, ожидая если не признания в любви, то хотя бы пару дежурных комплиментов. И окружающие при этом двусмысленно улыбаются.

— С меня тридцать пять рублей? Я вам дам под расчет, — улыбается Степан и протягивает тридцать шесть.

— Возьмите рубль сдачи.

— Нет, нет, это на развитие торговли.

Окружающие не могут сдержать улыбку, а кто-то и хихикнет.

...Но вернёмся к кабанчику, герою нашего рассказа.

Павлуша через месяц проникся симпатией к доверчивому животному, склонному к полноте, а оно, как дитё малое, привязалось к хозяину.

Если Павлуша возвращается с рынка, то уже метров за пятьдесят от дома слышит радостное похрюкивание. Издалека интеллектуальное животное распознаёт его по походке, запаху, колебанию воздуха. Когда Павлуша приближался к кабанчику и давал ему увесистый кусок свежего хлеба, тот, радостно повизгивая и похрюкивая от нежных чувств, валился без промедления и лишних церемоний на бок и подставлял хозяину потаённые свои места для почёсывания. Особенно любил, когда его гладили по брюшку, спинке и чесали за ушком. Поэтому Павлуша доверил куму и жене все заботы по убиению кабанчика и разделке туши на куски для продажи. Не пожелал присутствовать при этом. Причина такого уклонения всем была понятна.

3

На будущий доход от продажи кабанчика навесили слишком уж много всяких покупок. Планировали обстоятельно и продолжительное время, почти с самого начала откорма. Участвовала вся семья в этом отыскании пробелов в устройстве быта.

Случалось, супруга жарит судака да в простоте душевной говорит нараспев:

— Продадим кабанчика, надо будет сковородку новую купить, тарелок красивых, японских штук шесть, пару кастрюль. Павлуша, запиши это в свой блокнот.

А то убирает в доме, моет полы и тихо, ласково шепчет:

— Павлуша, не помешает нам новая швабра и хороший веник. Черкни, где следует об этом, а то забудем потом.

Или вяжет носки детям:

— Неплохо было бы новые пяльцы, спицы и немного шерсти прикупить.

Как ты думаешь?

А как Павлуша думает? Достанет блокнот и запишет.

Младший сын Серёжа однажды вечером свое предложение внёс:

— Батяня, нашей собачке современного корма бы пару пачек прикупить, когда продадим мясо. Как же он называется? — он наморщил лоб на пару минут и уточнил: — “Вискас”.

— Да не “Вискас”, а “Педигри”, — поправил Саша. — Пап а, пап, давай и то, и то купим, а то Мурка к весне совсем скучная стала. Лежит часами на диване и мышей не ловит.

— Зачем приучать животных к излишествам? Грызли годами кости, ели кашу, хлеб и объедки со стола, вот и хватит. А Серёже к следующему учебному году следует справиться обувь, школьную форму, шапку, пару рубашек, — возражала решительно Мария, хозяйка дома, — Павлуша, отметь в блокноте.

Через некоторое время средний сын Илья, скромный и застенчивый паренёк, подошел к отцу и попросил:

— Папа, купи мне резиновые сапоги, чтобы на рыбалку осенью ходить.

— Хорошо, сынку, куплю, — отвечал Павлуша, доставал блокнот и делал там соответствующую пометку.

Перед “судным” для кабанчика днём все собрались на семейный совет, ещё раз внимательно обсудили возможный доход от продажи мяса и сала, будущие покупки. Мария скомандовала:

— Саша, садись писать уточнённый список, что надо купить.

По её просьбе добавили набор кухонных досок, и от Павлуши внесли в список две пачки бумаги “для анонимок”. Получился внушительный перечень на пять страниц, где, помимо обозначенных выше вещей, были упомянуты уют, одеяло, пара полотенец, нитки, набор иголок и прочие мелочи.

Прикинул Павлуша, по минимуму и максимуму, дебет и кредит и, по его разумению, все сошлось очень даже неплохо. Оставалась небольшая сумма на обед в столовой или в чайной города Тимашевска.

4

“Марток — держи порток”, — говорят кубанские старожилы.

Прохладный выдался этот весенний денек. Минус три градуса, лёгкий ветерок. Скупое в это время года на тепло солнце освещало камыши, посадки, станции, припорошенные снежком поля и дорогу на Тимашевск. Кум на своём “Москвиче” подрадил переместить Павлушу, Марию и ценный груз из Днепровки на рынок районного центра.

Так и сказал: “Мне надо по делам смотаться и быстро — домой, а обратно вернётеcь автобусом. Кажется, после обеда он отправляется с вокзала”.

Поначалу торговля шла ни шатко, ни валко, но к одиннадцати часам ожилилась. Даже в отдельные периоды очередь возникала человек по пять, шесть. Уже были проданы ножи, хвост, рульки, печень, большая часть мяса и всё сало. Оставалось реализовать килограммов пять отборного мяса — шейки, из которого делают шашлыки. Павлуша почувствовал, что слегка замёрз:

— Слышь, мать, после ходим в чайную, там вкусно и недорого кормят, попьём чайку, согреемся? Да и музыку послушаем. Яшка на скрипке спиликает, шо попросишь.

— Зайдем на полчаса, только деньги не потеряй. Я и сама продрогла, зябко как-то.

— У меня, как в швейцарском банке, ни копейки не пропадёт.

— Надо было отдать мясо на реализацию в магазин и не мерзнуть.

— Там вывеска: “Мясо свежее крестьянское”; свинину, говядину и птицу, видимо, не принимают, — Павлуша улыбнулся.

Точка общественного питания находилась недалеко от рынка, и в полчаса двенадцатого Павлуша с Марией вошли в просторный зал, где было более десяти столиков и дефицит посетителей. Присели у окна, взяли меню. Увидев их, Яшка заиграл и запел душевную песню про любимую Одессу-маму и горькую судьбу вора-карманника, про девиц лёгкого поведения и прочих мошенников.

— Давай, мать, опрокинем за удачную торговлю по сто граммов водки, а я ещё бутылочку жигулевского выпью. Хорошо наторговали.

— По сто граммов можно выпить и немножко покушать, — дала добро на обед Мария.

Официант не заставил себя ждать и тут же выдал несколько вариантов сытного и вкусного обеда, десерта и скромный перечень согревающих напитков: водка, портвейн, пиво.

— Бутылку столичной, две бутылки пива, два салата оливье, солянку мясную сборную одну, два эскалопа со сложным гарниром, — быстро проговорил Павлуша, прослушав официанта и изучив меню.

— Ты чего? — оторопела Мария.

— Не волнуйся, мать, у меня точный расчет. Имеем же мы право раз в год пару часов с тобой вдвоём культурно пообедать.

После первой рюмки водки и стакана пива благодатное тепло понеслось шибко быстро по венам, артериям, капиллярам и ударило в голову. Павлуша порозовел и подобрел. Марии тоже стало тепло и уютно и отчасти благостно от восточных скрипичных мотивов, к которым приступил сообразительный музыкант, чтобы растревожить душу миловидной женщины.

В этот момент в кафе заглянул новый посетитель. Он осмотрел внимательным взглядом Павлушу и Марию, задумчиво постоял пару минут и решительно направился к их столику.

— Паша, ты ли это, дружище? Гарный хлопец, красавец, почти не изменился, а только повзрослел. А это твоя половина?

— Ванечка! Спасибо за комплимент. Это сколько лет мы не виделись? Пожалуй, лет семь. Ты пообедать?

— Я сейчас закажу, — ответил Иван.

— Не надо. Сидай рядом, я сегодня угощаю. Мария, это мой друг и одноклассник Ваня, мы с ним не виделись много лет. Знакомьтесь.

Вошедший пожал руку Марии, обнял и расцеловал Павлушу.

— Официант, еще бутылку столичной, салат и лангет, — проговорил громко Павлуша, вычеркнув мысленно бумагу, сковородку и набор кухонных досок из числа покупок.

5

Иван оказался словоохотливым мужчиной, знатоком прибауток, шуток и редких, смешных анекдотов. Марии он понравился, и она пустила застолье на самотёк, уповая на мудрость, расчетливость супруга и скромные запросы гостя.

Минут через сорок столы были сдвинуты, и за ними оказалось уже семь человек. Были принудительно доставлены к трапезе двое соседей из Днепровки, случайно забредшие в чайную погреться, друг детства из Тимашевска и давняя, приятная знакомка Марии из соседнего хутора — Калинина.

Павлуша заказывал и заказывал пиво, водку и закуски. Был он человеком открытой и щедрой души, балагуром и весельчаком. Спиртное употреблял крайне редко и по значительному случаю. По его мнению, такая ситуация сложилась и в тот памятный день.

Иван рассказывал анекдоты. Очень гостям понравился про Василия Ивановича и Петьку времён гражданской войны. Наши герои убегали от беляков и на хуторе спрятались в колодце. Белогвардеец, осмотрев колодец, их не обнаружив, задумчиво и вопрошающе проговорил: “Чи гранату бросить?” А из колодца жалобный и тихий голосок Петьки: “Дак нэмае ж никого”.

После этого Иван пропел песню, как он выразился, “собственного изготовления”:

*...Мы жили совсем небогато,
пшеницы кило про запас,
соломою крытая хата,
увьы, обокрали лишь нас.*

Когда слушатели уяснили главную мысль произведения, то смеялись минут тридцать, повторяя: “Мы жили небогато, но нас обокрали. Ха-ха-ха! Хи-хи-хи”.

Павлуша был тоже весел, щедр и заодно со всеми смеялся искренне и всем своим естеством, но про себя при очередном заказе провианта и спиртного искал философское обоснование непредвиденным расходам: “Зачем нам новые тарелки? И со старых добротный харч уплетаем за обе щеки с аппетитом. Обуржуазились, в доме негде повернуться. К чему Илье сапоги? Не следует пускать его на рыбалку осенью; грязь, да и утонуть может. Марии пора поберечь зрение, поэтому пальцы, спицы, шерсть ей ни к чему”.

Часа через полтора Мария вспомнила, что пора подаваться на автобус, а то опоздать можно. Все поднялись, пошатываясь, со своих мест и стали прощаться.

Рассчитавшись за обед, Павлуша подошёл к музыканту:

— Хорошо играешь и поешь, Яша, душевно, давай мою любимую про Кубань и проводи нас с женой до автовокзала, я хорошо заплачу.

Прохожие дивились на странную процессию: впереди шёл Павлуша, чуть поодаль Мария и замыкал шествие Яшка, извлекая возвышающие душу звуки из своей старенькой скрипки.

Все трое громко и весело пели:

*...Ой, Кубань, ты наша Родина,
вековой наш богатырь,
многоводная, раздольная,
разлилась ты вдаль и вишь...*